
МИГРАЦИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.11

Правильная ссылка на статью:

Эндрюшко А. А. Социально-экономический потенциал азербайджанских мигрантов, прибывших в Россию в 2014—2017 гг. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 216—233. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.11>.

For citation:

Endryushko A. A. (2018) Social and economic potential of Azerbaijani migrants who entered Russia in 2014-2017. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 216—233. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.11>.

А. А. Эндрюшко

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ МИГРАНТОВ, ПРИБЫВШИХ В РОССИЮ В 2014—2017 ГГ.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ МИГРАНТОВ, ПРИБЫВШИХ В РОССИЮ В 2014—2017 ГГ.

SOCIAL AND ECONOMIC POTENTIAL OF AZERBAIJANI MIGRANTS WHO ENTERED RUSSIA IN 2014—2017

ЭНДРЮШКО Анна Александровна — младший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: anna.endryushko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Anna A. ENDRYUSHKO¹ — Junior Research Fellow

E-MAIL: anna.endryushko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

¹ Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье анализируются социально-экономические характеристики азербайджанских трудовых мигрантов, прибывших в Россию в 2014—2017 гг., их трудовая заня-

Abstract. The article analyzes social and economic features, employment, well-being and housing conditions of the Azerbaijani migrants who came to Russia in 2014—2017. The empirical

тость, материальное положение и жилищные условия. Эмпирическую базу исследования составили данные общероссийского опроса трудовых мигрантов, проведенного НИУ ВШЭ и ЦЭПРИ в 19 субъектах Российской Федерации. Всего опрошено 8577 респондентов. Среди них азербайджанцы составляют 4,5% (388 человек). Показан статус азербайджанских мигрантов в сравнении с мигрантами других национальностей и местным населением с целью понимания их интеграционного ресурса. Установлено, что во всех сферах жизни они занимают более благоприятные позиции в сравнении с этнокультурными группами из Средней Азии, что позволяет говорить об их достаточно высоком интеграционном потенциале, особенно в связи с потребностями принимающего российского общества. Это снижает значимость их культурной отличительности и может содействовать интегрированности в локальные социумы.

Ключевые слова: трудовые мигранты, азербайджанские мигранты, недавно прибывшие мигранты, адаптация мигрантов, интеграция мигрантов, занятость мигрантов, материальное положение мигрантов, жилищные условия мигрантов, интеграционный ресурс

Благодарность. Работа выполнена в ходе реализации проектов Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН.

basis of the study is the data of a Russian nationwide survey of migrants. The survey was conducted by the National Research University Higher School of Economics and the Centre for Inter-Ethnic Studies in 19 subjects of the Russian Federation. A total of 8,577 respondents were interviewed; 4.5% of them were Azerbaijanis (388 respondents). To assess the integration resources of the Azerbaijani migrants the author examines their status as compared to other migrants and the local population. The study reveals that, unlike Central Asian ethnic groups, Azerbaijanis have more favorable positions in all spheres of social life, and it proves their high integration potential especially in a demanding Russian society. This in turn decreases the importance of their cultural distinctiveness and facilitates further integration and immersion in the local communities.

Keywords: labor migrants, Azerbaijani migrants, arrived migrants, migrant adaptation, migrant integration, migrant employment, migrant well-being, migrant housing conditions, integration resources

Acknowledgments. The study was part of the projects carried out by the Centre for Inter-Ethnic Studies of the Institute of Sociology (Russian Academy of Sciences).

Российская Федерация является центром притяжения мигрантов из стран СНГ, перемещение которых вызвано по большей части экономическими обстоятельствами, социальным неблагополучием в стране исхода, поиском более благоприятных условий жизни для себя и своей семьи. В то же время сложная

демографическая ситуация в России приводит к тому, что миграция становится важным ресурсом для преодоления депопуляции и поддержания экономического благосостояния страны. Мигранты, особенно ориентированные на Россию как постоянное место жительства, занимают значимое место на российском рынке труда, постепенно включаясь в жизнь локального общества. Их адаптация и интеграция охватывает разные аспекты жизни — трудовую деятельность, знание языка, культуру, психологическую предрасположенность к жизни в другой культурной среде.

В такой ситуации важно представлять социально-экономический потенциал иммигрантов в сравнении со стратификацией местного населения, чтобы иметь возможность прогнозировать адаптацию и интеграцию конкретных групп мигрантов в российское общество.

Проблемам интегрированности мигрантов в принимающую среду посвящены исследования С. Н. Абашина, Е. А. Варшавера, А. Г. Вишневого, М. Б. Денисенко, Л. М. Дробижевой, Ж. А. Зайончковской, Т. Д. Ивановой, П. Д. Кивисто, Н. М. Лебедевой, В. И. Мукомеля, А. Л. Рочевой, А. В. Резаева, Е. В. Тюрюкановой, Ю. Ф. Флоринской, Т. Н. Юдиной и других ученых. В ряде работ отдельно изучались социально-экономическое положение мигрантов, их позиции на российском рынке труда — (К. С. Григорьева, Т. Д. Иванова, В. И. Мукомель и др.).

Ни в отечественной, ни в зарубежной науке нет единой теории адаптации и интеграции мигрантов. Однако иметь представление о них важно не только ученым и управленцам, но и самим мигрантам, которым необходимо «встроиться» в новое общество, получить доступ к социальным ресурсам, не задевая при этом интересы местных жителей.

Работая в концепции кросскультурной адаптации Й. Кима, К. Уорд и коллеги выделили три основных аспекта адаптации: психологический, социально-культурный и экономический. Психологическая адаптация относится к эмоциональному благополучию во время культурного перехода, она обусловлена восприятием одиночества и возможной дискриминацией. Социально-культурная адаптация связана с умением «вписываться» в новую культурную среду и эффективно взаимодействовать с ней. Она включает такие важные показатели, как образование, свободное владение языком и контакты с местным сообществом. Наконец, *экономическая* адаптация — важный и наиболее долгий процесс, так как мигранты сталкиваются с большими препятствиями на пути к экономическому успеху, чем местные (трудность признания квалификации и профессионального опыта) [Ward, Bochner, Furnham, 2001].

Р. Альба и В. Ни, выступая с критикой политики интеграции мигрантов, предложили поменять представление о возможности интеграции мигрантов в средний класс, так как большая их часть попадает в беднейшие слои населения [Alba, Nee, 2003].

В современном понимании принимающее общество несет ответственность за мигрантов, соблюдение их формальных прав, возможность участия в основных сферах жизни. В Европе для измерения этих параметров используется «Индекс миграционной политики» (MIPEX), принятый министрами стран Европейского союза в Сарагосской декларации. Он учитывает 167 индикаторов интеграции мигрантов и позволяет сравнивать интеграционную политику разных стран. Индикаторы делятся на восемь направлений, среди которых доступ к рынку труда, образо-

вание, участие в жизни страны, долгосрочность пребывания, воссоединение с семьей, гражданство, доступность здравоохранения и защита от дискриминации [Мукомель, 2016а: 466].

В отечественной науке вопросы адаптации и интеграции мигрантов рассматриваются учеными через такие показатели, как материальное положение и социальное положение, статус, характер труда, взаимодействие мигрантов с принимающим сообществом, ориентация мигрантов на интеграцию или возвращение в страну исхода и другие [Иванова, 2008: 646]. Но понимание самого процесса различается. Так, например, В. И. Мукомель пишет, что не существует альтернативы политике интеграции [Мукомель, 2016а: 414], а С. Н. Абашин ставит под сомнение идею необходимости «интегрировать мигрантов» в российское общество, так как «сами иммигранты не спешат стать полностью похожими на местных жителей, их практики и нарративы построены на связях со страной исхода» [Абашин, 2017: 204]. Он акцентирует внимание на концепции транснационализма, при которой иммигранты развивают и поддерживают связи (семейные, социальные, экономические), пересекая географические, политические и культурные границы, они могут быть включены сразу в несколько социальных контекстов. Исследователи говорят также о том, что интеграционный и транснациональный подходы не исключают друг друга, а наоборот — в своей совокупности определяют положение мигранта [Бредникова, Ткач, 2010: 78].

В связи с этим имеет смысл по возможности рассматривать конкретные группы мигрантов. Цель данной работы — оценить интеграционный ресурс азербайджанских мигрантов, прибывших в Россию в середине второго десятилетия XXI века, в сравнении с другими этнокультурными группами.

В данной статье мы рассматриваем социально-экономические характеристики азербайджанских мигрантов как мигрантов из страны, имеющей давнюю историю миграции своего населения в Россию и традиционно входящей в пятерку стран — ее крупнейших миграционных доноров. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в Россию ежегодно въезжает 20—25 тысяч азербайджанских мигрантов, а на ее территории находится около 520 тысяч¹. Азербайджанцы были одними из первых иммигрантов на российском рынке труда. Наиболее крупная миграционная волна пришлась на 1950—60-е годы, однако это были в большинстве своем студенты. Позднее, в середине 1980-х, азербайджанцы активно развивали сферу торговли (в основном фрукты и цветы), затем стали расширять свое присутствие в сфере общественного питания (рестораны, шашлычные и т. п.) [Юнусов, 2010]. После распада СССР миграция азербайджанцев продолжилась. Все это дает основание полагать, что они в большей степени, чем представители других этнокультурных групп, готовы к адаптации в принимающее российское общество, так как в России уже живут их соотечественники, обладающие преимуществами в экономической и социальной сферах, а также хорошим интеграционным потенциалом.

Для анализа отобраны три основные сферы, которые, на наш взгляд, позволят оценить интеграционный потенциал азербайджанских мигрантов — трудовая (про-

¹ Федеральная служба государственной статистики (2017). Миграция // Международная миграция. URL: <https://goo.gl/m6tyhD> (дата обращения: 20.12.2018).

изводственная) занятость, материальное положение и жилищные условия. Мы рассмотрим социально-демографический портрет азербайджанских мигрантов, профили их занятости и уровень доходов, ситуацию в сфере жилья в сравнении с другими этнокультурными группами, а также с общероссийскими показателями на основе имеющейся эмпирической базы, которую составили данные всероссийского исследования трудовых мигрантов НИУ ВШЭ, полученные на основе проведенного весной 2017 г. Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) опроса (рук. В. И. Мукомель). Обследование проводилось в 19 субъектах РФ, опрашивались граждане стран СНГ и Грузии независимо от их правового статуса. Общий объем выборочной совокупности — 8577 респондентов. 83% респондентов было опрошено в региональных столицах, то есть крупных городах, а 7,9% — в городах с населением свыше 100 тысяч человек. Азербайджанцев в выборке 4,5% — 388 человек.

Для формирования квотной выборки использовались данные Главного управления МВД по вопросам миграции (бывшая Федеральная миграционная служба), ведущего учет разных категорий иностранных граждан. В основу распределения квот выборочной совокупности была положена представленность данной этнической группы в числе стоящих на миграционном учете.

Следует сразу отметить, что среди азербайджанских мигрантов в выборке представлены главным образом те, кто прибыл в Россию в 2014—2017 гг. (78,6%).

Социально-демографические характеристики азербайджанских мигрантов

Азербайджанская миграция — мужская: 82,7% приехавших — мужчины. В этом они схожи с таджикскими мигрантами — 83,7%, узбекскими — 79,5%, киргизскими — 69%, в отличие, например от украинских и грузинских, где доля мужчин 43,2 и 52,7% соответственно. Исследуя отношение принимающего населения к азербайджанским мигрантам, мы учитывали, что их отличает исламская культура, которая влияет и на гендерное распределение миграции, поскольку мужчины преобладают в потоках из стран с преимущественно мусульманским населением [Эндрюшко, 2017].

Азербайджанцы были одними из первых и самых массовых потоков иммигрантов, но в последнее время они очевидно уступают по своей численности мигрантам из Средней Азии. Эти различия отражаются и на возрастном распределении мигрантов. Так, выходцы из Средней Азии представлены по большей части молодежью 20—29 лет (до 50%), в то время как азербайджанцы (схожи с ними в этом украинцы) — это люди разных возрастов, с очевидным преобладанием людей трудового возраста от 20 до 40 лет (79,4% опрошенных). При этом сравнительно много среди них людей в возрасте 50 лет и старше — 18,3% (у представителей Средней Азии — в среднем 5—7%). Это могут быть либо родственники молодых мигрантов трудового возраста, либо те, кто приехал в Россию раньше.

Почти половина мигрантов имеют общее среднее образование. Среди инокультурных мигрантов азербайджанцы чаще имеют неполное высшее и высшее образование (18,3%), чем представители среднеазиатских стран — киргизы (15,9%), таджики (13,7%), узбеки (9,4). Это дает основание полагать, что и людей, занимающихся квалифицированным трудом, среди них больше, чем в некоторых других группах мигрантов. Эту гипотезу мы проверим далее.

Среди мигрантов из стран Закавказья в сравнении со славянскими и среднеазиатскими группами выше доля тех, кто пребывает из столиц своих стран (31—35%). При этом среди азербайджанцев самая низкая доля приезжих из крупных городов с населением свыше 100 тыс. человек (26,1%) и самая высокая приезжих из сел (14%) (к ней также близки по показателям мигранты из Киргизии — 13,9% и Таджикистана — 13,2%) (см. табл. 1). То есть северокавказские мигранты в большей степени представлены «столичными» жителями, что предполагает более высокий культурный и образовательный уровень приезжающих. В то же время и сельская миграция в большей степени характерна для инокультурных мигрантов, к которым относятся и азербайджанцы, и выходцы из Средней Азии.

Таблица 1. *Населенные пункты исхода мигрантов, в % от всех опрошенных**

Национальность	Из какого населенного пункта Вы прибыли в Россию — столицы, города, села (кишлака, аула)?			
	Столица	Большой город (более 100 тыс. жителей)	Малый/средний город, пгт (менее 100 тыс. жителей)	Село, кишлак
Белорусы	16,3	53,6	28,1	2,0
Украинцы	6,6	60,2	28,7	10,7
Азербайджанцы	31,3	26,1	28,7	14,0
Армяне	35,4	29,5	25,9	9,2
Грузины	32,7	32,7	29,1	5,5
Киргизы	17,6	36,4	32,2	13,9
Таджики	24,6	28,1	34,0	13,2
Узбеки	9,9	56,4	22,7	10,9

* Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

На основании имеющихся данных и с учетом истории миграции азербайджанцев в Россию, мы предполагаем, что в сравнении с некоторыми другими новоприбывшими мигрантами азербайджанцы имеют более благоприятные показатели в трудовой сфере, в направлениях экономической деятельности и жилищного устройства. Проверим это на основе результатов опроса.

Азербайджанские мигранты в трудовой сфере

За сравнительно (с западными странами) небольшой период массовой миграции в Россию многие группы иммигрантов смогли создать для себя определенные условия и освоить ряд сфер деятельности — строительство, сельское и коммунальное хозяйство, транспорт, торговлю и другие.

Согласно данным исследований в области занятости мигрантов, большая часть приезжих занимаются оптовой и розничной торговлей, ремонтом автотранспорта и бытовых изделий, строительством, коммунальными и социальными услугами, домашним хозяйством, в сфере гостиничного бизнеса, общественного питания, транспорта и связи. На эти сферы в совокупности приходится более 85% процентов трудовых мигрантов [Мукомель, 2017].

Азербайджанцы проходили длительный и сложный процесс вовлечения в разные сферы деятельности. Еще в середине XIX века были известны немногочисленные торговцы из среды азербайджанцев в России. Более активное прибытие азербайджанцев началось в послевоенное время (1950—1960-е годы). Тогда на нефтегазовые месторождения в Сибири приезжали специалисты нефтяной отрасли и студенты, которые позднее возглавили азербайджанские общины в России. С конца 1970-х годов миграция из Азербайджана стала качественно иной, что было связано с развитием торговли цветами, овощами и фруктами. С тех пор образ азербайджанцев в России, по мнению специалистов, в значительной мере связан именно с торговлей [Юнусов, 2006].

Поскольку опрос, на материалы которого мы опираемся, проводился преимущественно среди трудовых мигрантов, то более 80 % респондентов работают, среди них мала доля студентов и пенсионеров. Однако студентов (учащихся) среди азербайджанцев несколько больше (3,9%), чем среди представителей Средней Азии и других групп из Закавказья, и столько же, сколько среди мигрантов из Украины (см. табл. 2).

Таблица 2. Занятость славянских, кавказских, среднеазиатских новоприбывших мигрантов в России, в % от всех опрошенных*

Национальность	Сейчас Вы работаете, учитесь в России?						
	Работаю (постоянно или время от времени)	Временно не работаю, ищу работу	Временно не работаю, НЕ ищу работу	Учусь	Занимаюсь домашним хозяйством	На пенсии	Другое, нет ответа, з/о
Белорусы	89,7	5,2	1,4	2,3	0,9	0,3	0,3
Украинцы	83,3	7,5	1,7	3,9	2,1	0,5	1,0
Азербайджанцы	82,7	8,2	1,5	3,9	2,8	0,3	0,5
Армяне	82,7	8,6	2,4	0,8	4,0	0,5	0,8
Грузины	83,6	5,5	1,8	1,8	5,5	1,8	0,0
Киргизы	88,0	8,8	0,6	0,9	1,1	0,0	0,6
Таджики	86,2	9,3	1,1	1,7	0,9	0,1	0,8
Узбеки	86,0	11,0	0,7	1,0	0,8	0,1	0,3

* Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

Трудовые мигранты, приезд которых в Россию вызван сложной экономической ситуацией на родине, вынуждены соглашаться на низкоквалифицированную работу, даже если имеют образование, высокую квалификацию и хороший опыт. Обычно они занимают худшие трудовые места по сравнению с теми, которые занимали в своей стране [Мукомель, 2016б]. Этому способствует и тот факт, что многие мигранты не имеют возможности работать в России на законных основаниях.

Так, среди азербайджанцев до приезда в Россию в сфере оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспорта и бытовых изделий было занято 28,4% опрошенных, а после переезда в Россию — в 2,5 раза больше, до 72,5%. В целом после миграции в Россию у азербайджанцев наблюдается снижение числа заня-

тых по всем сферам деятельности, кроме вышеупомянутых: в обрабатывающих производствах — с 10,8 до 0,3%, в строительстве — с 10,8 до 4,1%, в сфере транспорта и связи — с 11,3 до 8,8%. Это касается и более высококвалифицированных сфер занятости: небольшое количество работающих в финансовой сфере в Азербайджане (1,4%) снизилось до нуля в России, в сфере государственного управления — с 4,1 до 0,3%, в образовании — с 2,7 до 0,3%. Меньше всего изменений видно в сфере инфраструктуры — работы в гостиницах и ресторанах, предоставлении коммунальных услуг, деятельности домашних хозяйств.

Вероятно, азербайджанцы, приехав в Россию, ищут работу при помощи родственников и друзей или кого-то из азербайджанской диаспоры (либо едут уже по их приглашению), которые, в свою очередь, предлагают работу в основных сферах своего влияния.

Азербайджанские мигранты в России заняты в основном в инфраструктуре (оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны, транспорт и связь, предоставлении коммунальных услуг) и строительстве — на эти сферы в совокупности приходится 94,5% респондентов (см. табл. 3). Азербайджанцы по-прежнему больше всего связаны с торговлей (72,5%), в 1,5—3 раза больше, чем армяне (34,9%), украинцы (36%), киргизы (33,4%), узбеки (26,6%). Наиболее близки к ним грузины — 57,4% опрошенных заняты в торговле в России. При этом представители среднеазиатских и славянских культур больше заняты в строительстве (особенно белорусы 33,2%, таджики 18,5%, узбеки 19,2%), у мигрантов из Средней Азии высока доля в сфере коммунальных и социальных услуг — больше всего среди киргизов (25%).

По данным опроса, азербайджанские новоприбывшие мигранты не представлены или практически не представлены в таких сферах, как добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, финансовая деятельность, государственное управление и обеспечение военной безопасности (см. табл. 3).

Таблица 3. Сферы деятельности славянских, кавказских, среднеазиатских новоприбывших мигрантов в России, в % от всех опрошенных*

Национальность	Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	Строительство	Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей, транспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Операции с недвижимым имуществом, аренда машин и оборудования, наука, архитектура, инженеринг, IT, вычислительная техника	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг (включая судебную медицину, ветеринария, санатории, курорты, пансионат)	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (включая химчистки, парикмахерские, салоны красоты,	Деятельность домашних хозяйств
Белорусы	4,0	33,2	25,0	3,7	6,4	3,7	0,6	0,6	6,7	7,3
Украинцы	1,9	14,7	36,0	7,3	4,0	3,5	1,9	3,0	7,8	7,9
Азербайджанцы	0,6	4,1	72,5	4,4	8,8	1,2	0,3	0,6	4,7	2,0
Армяне	0,3	16,0	34,9	6,6	9,3	1,8	0,3	2,1	9,7	11,4
Грузины	0,0	12,8	57,4	8,5	12,8	0,0	0,0	0,0	4,3	2,1

Национальность	Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	Строительство	Оптовая и розничная торговля; ремонт транспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Операции с недвижимым имуществом, аренда машин и оборудования, наука, архитектура, инженеринг, IT, вычислительная техника	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг (включая судебную медицину, ветеринария, санатории, курорты, пансионат)	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (включая химчистки, парикмахерские, салоны красоты)	Деятельность домашних хозяйств
Киргизы	0,3	10,4	33,4	11,4	8,9	2,9	0,9	0,4	25,0	3,2
Таджики	2,7	18,5	36,0	5,5	6,8	2,9	0,3	0,5	11,9	9,2
Узбеки	2,4	19,2	26,6	7,9	7,3	2,5	0,4	0,3	18,2	8,6

* Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

Для иммигрантов довольно характерна занятость на небольших предприятиях (согласно законодательству РФ, к микропредприятиям относятся те, на которых работает до 15 человек, к малым — до 100 человек), но среди азербайджанцев наиболее высока доля работающих на микропредприятиях с численностью до 9 человек — 58%. Среди узбеков, например, таких гораздо меньше — 33,8%, как и украинцев — 33,5%, среди армян цифра выше и ближе к азербайджанцам — 49,5%. Азербайджанцев, работающих на предприятиях с численностью 10—15 человек, — 9,6%, и показатель уменьшается обратно пропорционально увеличению численности сотрудников (см. табл. 4). Это говорит о том, что для азербайджанцев в большей мере, чем для других этнокультурных групп мигрантов, характерна занятость при небольшой численности сотрудников. Это может быть вызвано более тесными родственными и дружескими связями, а также особенностями основной сферы деятельности — торговли, в которой высока доля мелких предпринимателей (в отличие, например, от строительства).

Таблица 4. Занятость славянских, кавказских, среднеазиатских новоприбывших мигрантов в РФ на предприятиях разной численности, в % от всех опрошенных*

Национальность	Сколько, примерно, людей работают вместе с Вами на том же предприятии, в компании?						
	1—9	10—15	16—49	50—100	101—250	Более 250	Нет ответа, з/о
Белорусы	27,8	11,1	17,0	12,1	9,2	10,1	12,7
Украинцы	33,5	15,0	18,4	11,9	5,6	6,7	9,1
Азербайджанцы	58,0	9,6	8,3	5,1	3,2	5,4	10,3
Армяне	49,5	11,5	17,3	3,4	4,7	3,4	10,2
Грузины	27,5	12,5	27,5	10,0	2,5	5,0	15,0
Киргизы	27,4	19,6	20,7	8,1	6,8	5,	12,1
Таджики	36,8	13,7	18,2	9,1	5,0	3,9	13,3
Узбеки	33,8	15,3	16,0	8,8	4,8	4,7	16,7

* Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

Предыдущий вывод подтверждает и тот факт, что среди азербайджанцев существенно выше (в большей мере в сравнении со среднеазиатскими, немного в меньшей — со славянскими мигрантами) доля тех, у кого имеются сотрудники в подчинении — 20,2%. Они сходны с армянами, среди которых 18,6% имеют сотрудников в подчинении, среди украинцев показатель в два раза меньше — 10,4%. Среди среднеазиатских групп доля имеющих подчиненных самая низкая (например, у киргизов 4,7%).

Поскольку азербайджанцы больше заняты в торговле, для них легче, чем в других сферах (таких как транспорт, гостиницы и рестораны и др.) организовать собственное дело. Этот факт, несмотря на отрицательный образ торговца в представлении местного населения, дает азербайджанским мигрантам определенное преимущество — от дохода до более престижного социального статуса (быть предпринимателем престижнее, чем быть наемным работником). На оптовую и розничную торговлю приходится 72,5% трудящихся в России азербайджанцев. Помимо этого, востребованы также сферы транспорта и связи, гостиниц и ресторанов, предоставления коммунальных услуг.

Для сравнения приведем структуру занятости мужского (поскольку среди опрошенных азербайджанских мигрантов 82,7% мужчин) российского населения (см. рис. 1). Занятость российских граждан не имеет существенного «перекоса» в одну производственную сферу, а распределена довольно равномерно. Преобладают обрабатывающие производства (17,1%), транспорт и связь (13,7%), строительство (12,2%), оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий (12,2%). Но также, как и у трудящихся из других стран, наблюдаются довольно низкие показатели занятости в более высококвалифицированных сферах — финансовой деятельности, образовании и здравоохранении.

Рисунок 1. Структура занятых мужчин населения России по видам экономической деятельности на основной работе, 2016 год, в %, данные Росстата²

² Источник: Труд и занятость в России : Стат. сб. / Росстат. Москва, 2017. С. 253.

По данным опроса, азербайджанские мигранты, в сравнении с российскими работниками, практически не представлены в более высококвалифицированных сферах (финансовая деятельность, образование, государственное управление), в добыче полезных ископаемых, обрабатывающих производствах, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. Если в советский период из Азербайджана приезжало большое количество инженеров, специалистов нефтяной отрасли, в том числе открывавших крупные месторождения (например, Ф. Салманов), то сегодня это в основном менее квалифицированные работники. Мы могли бы говорить о нисходящей профессиональной мобильности разных волн азербайджанских мигрантов, но она скорее связана с социально-экономическими переменами и в стране исхода, и в России в 1990-е годы — многим российским инженерам, специалистам также приходилось менять квалификацию в связи с закрытием производств, приспосабливаться к трансформации российского общества.

Такие результаты могут быть связаны и с особенностями выборки в данном исследовании — в нее попадали только трудовые мигранты, не имеющие российского гражданства. Большая часть из них проживает в России не более трех лет, не имеет нужной квалификации и, зачастую, разрешительных документов.

Материальное положение новоприбывших иммигрантов

Распространенным мифом о мигрантах является их очень низкая оплата труда. Немногочисленные исследования в этой области показывают, что в среднем их заработная плата такая же, как у местных работников [Мукомель, 2016б: 38]. Как правило, отличие здесь составляет гораздо более продолжительный по сравнению с россиянами рабочий день.

В целом доходы всех групп новоприбывших мигрантов невысоки — более 50 % опрошенных получают оплату до 30 тыс. руб., при среднемесечной заработной плате по России в 37 640 рублей³ на март 2017 г. (в Москве — 72 129 руб.⁴). В ветке доходов 21—30 тыс. руб. находится наибольшая доля от всех опрошенных групп мигрантов, но «лидируют» представители Средней Азии, малая доля которых имеет доходы выше 40 тыс. руб. По этому показателю азербайджанцы (29,7 %) схожи с армянами (29,4 %) и украинцами (31,8 %). Примерно равны они и в представительстве людей с более высокими доходами: 13 % азербайджанцев зарабатывают 41—50 тыс. руб. (см. табл. 5), таких же среди армян 14 %, среди украинцев 12,6 %, в то время как у киргизов данный показатель на уровне всего 6,4 %. Среди этнокультурных групп мигрантов азербайджанцы имеют самые высокие показатели в доходах свыше 50 тыс. руб. (11,2 %), а также только среди них (пусть и небольшой процент) встречается доход свыше 100 тыс. руб. Они близки, опять же, к украинцам, 10 % которых имеют доходы свыше 50 тыс. руб.

Среди азербайджанцев заработную плату выше средней российской получают 13,1 %. Они близки по этому показателю к украинцам и армянам.

³ Российский статистический ежегодник. 2017 : Стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 50.

⁴ Данные Мосгорстат. URL: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/statistics/standards_of_life/ (дата обращения: 13.05.2018).

Таблица 5. **Доходы славянских, кавказских, среднеазиатских новоприбывших мигрантов в России, в % от всех опрошенных***

Национальность	До 10 тыс.	11—20 тыс.	21—30 тыс.	31—40 тыс.	41—50 тыс.	51—60 тыс.	61—70 тыс.	71—80 тыс.	81—100 тыс.	Выше 100 тыс.
Белорусы	3,2	7,8	24,3	23,0	23,9	11,5	3,3	1,0	1,0	0,3
Украинцы	5,8	22,2	31,8	19,3	12,6	6,7	1,6	0,9	0,8	0,0
Азербайджанцы	5,2	23,3	29,7	17,7	13,1	5,0	2,2	1,1	2,2	0,7
Армяне	6,7	25,5	29,4	17,7	14,0	4,4	1,1	0,4	1,1	0,0
Грузины	0,0	27,3	33,4	15,1	12,2	9,1	0,0	0,0	3,0	0,0
Киргизы	1,6	22,4	45,8	21,0	6,4	0,7	0,3	0,0	0,1	0,0
Таджики	4,4	27,4	43,9	16,3	6,1	1,6	0,2	0,2	0,3	0,0
Узбеки	2,0	23,3	49,0	17,7	5,9	1,5	0,2	0,0	0,1	0,0

*Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

Это подтверждает наше предположение, что, несмотря на отрицательный в глазах принимающего населения образ азербайджанских мигрантов как занятых в сфере торговли, это дает им более высокий доход в сравнении с другими этнокультурными группами мигрантов.

Ситуация в сфере жилья

О. Бредникова и О. Ткач, исследуя жизненное пространство и понятие дома для мигранток в Санкт-Петербурге, пишут, что нестабильность в понятии «дом» вынуждает уделять внимание иммигрантскому жилищу как физическому пространству. Жилье, с одной стороны, рассматривается с точки зрения гарантии выживания, поддержания определенного уровня комфорта и стабильности, с другой — оно является показателем локализации в пространстве и времени, дает мигранту ощущение семьи и причастности к сообществу [Бредникова, Ткач, 2010].

Обладание собственным жильем для мигранта — нечто большее, чем просто понятие физического пространства. Оно дает ощущение связи с местом, возможности для воспроизводства ежедневных практик, формирования локализованного пространства и идентичности. Возможность обладать жильем (собственным или съемным) увеличивает интеграционный потенциал мигрантов.

Ситуация с жильем у новоприбывших азербайджанских мигрантов довольно благоприятная — 67 % имеют отдельное жилье (сумма ответов «отдельный дом» и «отдельная квартира») (см. табл. 6). Близка, но менее благоприятна ситуация у украинских мигрантов — 55 % проживают отдельно, чуть лучше показатели у ар-

мян — 77,1% опрошенных. Представители Средней Азии существенно отстают: отдельный дом или квартира имеется у 37,6% киргизов и 39,4% узбеков.

Азербайджанцы (как и армяне) значительно реже (7,2%) живут в общежитиях: почти в четыре раза по сравнению узбеками (20,5%) и почти в два раза по сравнению с украинцами (12,7%). Также среди азербайджанцев самая низкая доля проживающих в бытовых помещениях (подвалах, вагончиках и т. п.) — 0,5%.

Таблица 6. Наличие жилья у славянских, кавказских, среднеазиатских новоприбывших мигрантов в России, в % от всех опрошенных*

Национальность	Какое жилье сейчас у Вас в России?					
	Отдельный дом/часть дома	Отдельная квартира	Комната, часть квартиры	Комната в общежитии	Вагончик, бытовка, подвал и т. п.	Живу где придется/другое
Белорусы	4,0	26,9	29,8	24,9	6,9	7,4
Украинцы	7,4	47,6	28,1	12,7	1,9	1,3
Азербайджанцы	7,2	59,8	23,2	7,2	0,5	1,8
Армяне	16,7	60,4	15,4	5,1	1,6	0,8
Грузины	10,9	49,1	34,5	1,8	1,8	1,8
Киргизы	2,1	35,5	39,2	19,1	1,5	2,3
Таджики	7,4	36,3	30,1	20,4	3,1	2,3
Узбеки	6,8	32,6	33,1	20,5	4,5	2,3

* Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

При этом среди азербайджанских мигрантов самая высокая доля владельцев собственного жилья — 13,4% (см. Табл. 7). Это практически в десять раз больше по сравнению с киргизами (0,9%) и узбеками (1,5%), почти в два раза — по сравнению с украинцами (7,1%).

Азербайджанцы намного реже (всего 2,1% респондентов) пользуются жильем, которое предоставляет работодатель, в то время как у узбеков и киргизов цифры достигают 21,1 и 19,3% соответственно, а у украинцев — 11,4% (показатель низкий также у армян — 4,6%). Одним из подтверждений того, что родственные связи азербайджанцев в России крепче, чем у представителей Средней Азии, является то, что 6,4% опрошенных проживают у родственников (против, например, 2,3% киргизов). Однако украинцы и армяне здесь имеют показатели выше — 9,2 и 10,8% соответственно.

Часто мигранты (в одиночку или с семьями) снимают совместное жилье (будь то квартира или дом) с другими приезжими, при этом смена жилья может происходить довольно часто, как и смена соседей. В таких условиях они лишены личного, приватного пространства, места, где они могут отдохнуть и провести время с семьей. Проживание с семьей без посторонних людей, в свою очередь, увеличивает шансы иммигрантов на мотивацию к интеграции, поскольку в семье легче обустроить жизненное пространство, воспроизводить повседневные практики, получать поддержку и помощь.

Таблица 7. **Виды жилищных условий славянских, кавказских, среднеазиатских новоприбывших мигрантов в России, в % от всех опрошенных***

Национальность	Это Ваше жилье, Вы его снимаете или живете на каких-то других условиях?						Всего
	Собственное жилье	Снимаю (в т. ч. у знакомых, родственников)	Жилье предоставил работодатель	Живу у своего мужчины/женщины (гражданской жены/мужа)	Живу бесплатно у родственников, друзей, знакомых	Другое/нет ответа	
Белорусы	6,3	50,9	32,5	3,4	5,5	1,0	100,0
Украинцы	7,1	68,0	11,4	2,9	9,2	1,3	100,0
Азербайджанцы	13,4	73,7	2,1	2,8	6,4	1,6	100,0
Армяне	10,0	73,0	4,6	1,3	10,8	0,3	100,0
Грузины	16,4	67,3	1,8	5,5	9,1	0,0	100,0
Киргизы	0,9	76,8	19,3	0,3	2,3	0,4	100,0
Таджики	3,4	73,3	17,0	0,9	4,1	1,2	100,0
Узбеки	1,5	72,5	21,1	0,9	3,3	0,6	100,0

* Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

Большая доля опрошенных азербайджанских мигрантов (59% опрошенных) проживают с семьей или родственниками. Сходны с ними в этом другие представители Закавказья — армяне (72,8%) и грузины (67,3%). Среди представителей Средней Азии показатели значительно ниже: 35,9% у узбеков и 47,3% у киргизов. Это может быть вызвано тем, что азербайджанские мигранты представлены людьми разных возрастов, а не только молодежью.

Мы видим, что азербайджанцы в большей мере, чем выходцы из Средней Азии и представители славянских групп мигрантов обеспечены жильем, в особенности собственным, также у них выше доля проживающих с родственниками и ниже — проживающих с неродственниками. Прочность их родственных связей в России выше, чем у некоторых других групп инокультурных мигрантов, что может быть позитивным показателем в определении их интеграционного потенциала.

Мы сделали попытку раскрыть те аспекты интеграционного ресурса азербайджанских мигрантов, которые позволял источник, понимая, что для полного и объемного социологического портрета необходимо представление не только о социально-экономическом положении мигрантов в принимающем обществе, но и об их связях со страной исхода, установках на возвращение, на интеграцию в новое общество или «жизнь на две страны», характере межгендерных отношений (ориентация на межнациональные браки), стратегиях воссоединения семьи и т. д.

Имеющиеся данные позволяют проанализировать некоторые из этих показателей.

Анализ планов мигрантов относительно проживания в России «до первого выезда» и «на момент опроса» показывают тенденцию к их «оседанию». 45,6 % сказали, что когда они ехали в Россию первый раз, в их планах уже было «остаться навсегда», а говоря о планах в настоящий момент, такой вариант выбрали уже 58,8 %. Планы «заработать денег и вернуться в свою страну» снизились с 12 до 5 % соответственно, «поработать год-другой и вернуться» — с 17,5 до 9,3 %. Устойчивой осталась только изначально выраженная транснациональная стратегия «постоянно ездить между Россией и своей страной», но таких немного — 16,5 и 17 % до и после миграции.

У 23,7 % опрошенных остались жена/муж на родине, а у 28 % — дети, у 62 % — родители, у 63 % — братья/сестры, у 44 — другие члены семьи, а 59,5 % сказали, что у них есть члены семьи, которые проживают с ними в России. 40 % ответили, что среди членов семьи, проживающих с ними в России, есть муж или жена (включая зарегистрированный, религиозный, гражданский браки).

Азербайджанские мигранты едва ли ориентированы жить «на два дома» в отношении семьи (жены и детей), но высокая доля тех, у кого на родине есть родители, братья, сестры и другие члены семьи, вероятно, будет сохранять высокий уровень транснациональных связей.

Об этом же говорит и то, что 32,3 % респондентов общаются с родственниками, проживающими в Азербайджане, каждый день или почти каждый день, 35 % — 1—3 раза в неделю. А 49,5 % опрошенных посылают на родину деньги (47 % этого не делают).

Хорошее владение русским языком — еще один фактор, положительно влияющий на интеграционный ресурс мигрантов. Несмотря на то, что среди опрошенных были в основном новоприбывшие мигранты, 15,7 % ответили, что считают родным языком русский (в Азербайджане были и остаются русские школы). 60 % считают, что им не нужно учить русский язык (сумма ответов «нет» и «скорее нет»), — вероятно, потому что они им уже владеют (интервьюерами оценено знание русского языка в 95 % случаев от 3 до 5 по пятибалльной шкале).

Языком межнационального общения выступает как русский, так и азербайджанский. На работе на русском языке говорят 59,8 % опрошенных, 33,2 % — на русском и азербайджанском в равной степени. Правда, с друзьями и дома на русском говорят лишь по 20 %, чаще мигранты отвечают, что общение происходит на «на русском и азербайджанском в равной степени» (59 % и 41 % соответственно).

Заключение

Анализируя различия в социально-экономическом положении азербайджанских мигрантов в сравнении с другими этнокультурными группами в России, мы учитывали разные факторы, из которых наиболее важным, на наш взгляд, является длительность истории масштабной миграции в нашу страну. Эти выводы подтверждаются и данными других исследований. Так, например, С. Н. Абашин пишет, что поскольку масштабная миграция из Центральной Азии в Россию прошла сравнительно недолгую историю, мигранты сохраняют регулярные и интенсивные связи со страной исхода и вкладывают в это значительные материальные и социальные

ресурсы [Абашин, 2017]. Миграция из Азербайджана имеет достаточно длительную историю, что увеличивает интеграционный потенциал азербайджанских мигрантов и дает основание говорить об их устойчивых связях в России. Среди азербайджанцев, проживающих в нашей стране более длительное время, также высока доля образованных и занятых интеллектуальным трудом людей, обладающих высоким интеграционным потенциалом для российского общества. В памяти россиян сохранились образы азербайджанских нефтяников (Ф. Салманов), деятелей культуры (М. Магомаев, Ф. Амиров, А. Алекперов), ученых (Р. Исмаилов) и других.

Несмотря на тот факт, что имеющиеся у нас данные позволяли анализировать в основном недавно прибывших мигрантов, мы видим положительные тенденции в социально-экономическом положении азербайджанцев. Во всех рассмотренных сферах (трудовая, экономическая, жилищная) наблюдаются более благополучные позиции азербайджанцев в сравнении с этнокультурными группами мигрантов из республик Средней Азии. Азербайджанцы, так же как и другие представители Закавказья, имеют более благоприятное историческое прошлое — раньше в Россию выезжали инженеры, специалисты нефтяных отраслей из Азербайджана и специалисты в гуманитарных областях из Армении и Грузии. Но численность грузинских мигрантов в последние годы уменьшается в связи с осложнившейся ситуацией в отношениях между странами, а численность азербайджанцев остается более устойчивой. Это также свидетельствует о достаточно благоприятном интеграционном ресурсе азербайджанских мигрантов в сравнении с некоторыми другими (преимущественно среднеазиатскими) группами. Они имеют потенциал в трудовой занятости в соответствии с потребностью принимающего российского общества и могут претендовать на то, что их положение не будет значимо определяться культурными отличиями.

Список литературы (References)

Абашин С. Н. Интеграция vs транснационализм: миграционные стратегии жителей Центральной Азии // Пути России. Война и мир. Том XXII / М. Г. Пугачева, В. П. Жаркова (ред.). М.; СПб: Нестор-История, 2017. С. 203—220.

Abashin S. N. (2017) Integration vs Transnationalism: Migration Strategies of Central Asian People. In: Ways of Russia. War and Peace. Vol. XXII / M. G. Pugacheva, V. P. Zharkov (ed.). Moscow; St. Petersburg: Nestor History. P. 203—220. (In Russ.)

Бредникова О., Ткач О. Дом для Номады // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 72—95.

Brednikova O., Tkach O. (2010) What Home Means to the Nomads. *Laboratorium*. Vol. 3. P. 72—95. (In Russ.)

Иванова Т. Д. Таджики в Москве: интеграционный потенциал (по результатам социологического исследования) // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2008. Т. 6. С. 646—667.

Ivanova T. D. (2008) Tajiks in Moscow: Integration Potential (as a result of a sociological study). In: Scientific Works: Institute for National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. Vol. 6. P. 646—667. (In Russ.)

Мукомель В. И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016а. Вып. 14. С. 411—467.

Mukomel V. I. (2016) Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to performance assessment and the role of the host society. In: Russia reforming: Yearbook (collection of scientific articles) / resp. ed. M. K. Gorshkov; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow: New Chronograph. Vol. 14. P. 411—467. (In Russ.)

Мукомель В. И. Трудовые мигранты в контексте проблем демографического, экономического и социального развития России // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография / ред. и сост. М. С. Розанова; пер. с англ. яз. М. С. Розановой и А. Б. Лесохина. СПб.: СТРАТЕГИЯ; Скифия-принт, 2016б. С. 33—42.

Mukomel V. I. (2016) Labor Migrants in the Context of Russian Demographic, Economic, and Social Development Problems. In: Labor migration and migrant integration policy in Germany and Russia / ed. by Marya S. Rozanova. Saint Petersburg: Scythia-Print. P. 23—33. (In Russ.)

Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и Экономика. 2017. № 6. С. 69—79.

Mukomel V. I. (2017) Migrants at the Russian labor market: occupations, mobility, intensity of labor and wages. Statistics and Economics. No. 6. P. 69—79. (In Russ.)

Эндрюшко А. А. Отношение россиян к азербайджанским мигрантам // ИНАБ № 3—2017. Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте [Электронное издание] / [Л. М. Дробижева и др.]; отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 56—66.

Endryushko A. A. (2017) Attitude of Russians to Azerbaijani migrants. In: INAB No. 3. Ethnicity and interethnic relations in a social context [Electronic edition]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow: FCTAS RAS. P. 56—66. (In Russ.)

Юнусов А. Азербайджанцы в России — смена имиджа и социальных ролей // Россия и мусульманский мир. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2006. № 2. С. 80—96.

Yunusov A. (2006) Azerbaijanis in Russia — change of image and social roles. In: Russia and the Muslim world. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. No. 2. P. 80—96. (In Russ.)

Юнусов А. Миграционные тренды и тенденции в постсоветском Азербайджане [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2010. № 415—416. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/analit02.php> (дата обращения: 28.10.2017).

Yunusov A. (2010) Migration trends and trends in post-Soviet Azerbaijan. Demoscope Weekly. 2010. No. 415—416. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/analit02.php>. (In Russ.)

Alba R., Nee V. 2003. Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration. Cambridge. Mass.: Harvard University Press. 359 p.

Ward C., Bochner S., Furnham A. 2001. The psychology of culture shock. Hove, UK: Routledge. 384 p.